

Тануки он обнаружил под утро, когда голод был уже утолен, и охота превратилась в методичное истребление всякой темной мелочи.

В закоулке между двумя старыми домами, узком настолько, что крыши почти соприкасались друг с другом, стая крыс притерла к стенке невысокую щуплую девчонку в пестром детском кимоно не по возрасту. Девчонка вжималась спиной в каменную кладку и злобно шипела на крыс, по-звериному скаля зубы. Светлые глаза ее светились зеленой искрой, и короткие волосы топорщились, словно шерсть.

Генпачи увидел это все, взлетев на соседнюю крышу следом за юрким аякаши, похожим на летучий змеиный скелет. Скелету хватило одного удара когтистой лапы, а крысы в проулке даже ухом не повели, хотя явно почувствовали его приближение.

Это была уже совсем несусветная наглость, и Генпачи прыгнул в узкую щель между домами, втянув широкие крылья и прицельно выпустив демоническую ауру. Крыс наконец проняло: с громким писком они бросились врассыпную, испуганно сверкая красными огоньками глаз, а девчонка тонко всхлипнула и сползла по стеночке, к которой прислонялась.

— Что с тобой? — спросил Генпачи, подойдя ближе, но его уже не слышали: фигура девчонки поплыла, задрожала, как марево над нагретой дорогой в солнечный день. Пару мгновений спустя на земле лежал молодой тануки, уткнувшись мордой в собственный пушистый хвост.

Генпачи подумал немного, вздохнул — в демоническом облике это прозвучало больше похоже на короткий рык — и, подхватив детеныша на руки, вскочил обратно на крышу. Пора было возвращаться в человеческую жизнь.

Кобунго на появление внезапного гостя отреагировал ожидаемо: настороженно осмотрел, обнюхал, фыркнул и сказал, уже превратившись в человека:

— Но ведь это дух, братюнь.

Генпачи на это не отреагировал, натягивая рубашку и застегивая пуговицы. Тело привычно ломило, как и каждый раз после превращения, между лопаток еще ощущались призрачные крылья, а перед глазами мешались оттенки серого и красного. Кобунго понял, что ответа не будет, и споро натянул футболку.

Генпачи наконец справился с пуговицами и собственными пальцами и сумел переключиться обратно на человеческое зрение. А после подхватил на руки теплого пушистого зверька — тот весил не больше крупной кошки — и зашагал к выходу, аккуратно прижимая к себе.

— Мама нас убьет, — тоскливо вздохнул Кобунго, шагая следом, — она к Мегу-то недавно привыкла...

— Ничего, — мотнул головой Генпачи, — он сейчас очнется и перекинется в человека. А тетушка Саеко никогда не выкинет на улицу ребенка.

Кобунго снова вздохнул, но промолчал, признавая, что названный брат прав.